

Таким образом, общая направленность работы Б. Хамарнех – историческая, хотя в основу ее положен хорошо изученный археологический материал. В этом смысле книга продолжает линию известных книг Ж. Лассюса и Г. Чаленко о ранне-византийской Сирии. Лассюс стремился, изучая церковные сооружения, глубже понять религиозную и социальную жизнь христианской общины (*Lassus J. Sanctuaires chrétiens de Syrie*. P., 1947. P. VIII). Что же касается Г. Чаленко, то уже название книги Б. Хамарнех отсылает нас к его монографиям (*Tchalenko G. Villages antiques de la Syrie du Nord*. P., 1953; *Idem. Églises de village de Syrie du Nord*. P., 1979–1980). Для Иордании подобное исследование выполнено впервые, и это придает книге Б. Хамарнех пионерский характер.

Читатель неизбежно будет сравнивать книги А. Мишель и Б. Хамарнех. Независимо от принадлежности к тому или иному научному направлению и выбора метода, оба автора опираются на глубокое знание письменных и археологических источников, что обеспечивает убедительность их выводов. Обе книги будут необходимы тем, кто изучает ранневизантийскую эпоху в Палестине, и интересны всем, кто занимается раннехристианской и византийской археологией.

Л.Г. Хрушкова

Iacobini A., Perria L. Il Vangelo di Dionisio. Un manoscritto bizantino da Costantinopoli a Messina. Roma: Agros, 1998. (“Milion. Studi e ricerche d’arte bizantina”, 4). 187 p.

Исследования в области византийской книжной миниатюры и греческой палеографии в конце XX в. достигли такого уровня и широты охвата материала, что открытие нового манускрипта, относящегося к началу периода македонского ренессанса, написанного и богато украшенного в Константинополе одними из лучших столичных мастеров, могло бы показаться почти невероятным.

Примерно с середины XVIII в. в составе Старого (или Древнего) фонда в университетской библиотеке в Мессине хранится рукопись (Messina, Biblioteca Regionale Universitaria, Fondo Vecchio 18), первоначально содержавшая текст четвероевангелия. Евангелия предваряли полностраничная заставка-фронтиспис, а также Послание Евсевия к Карпиану и Евсевиевы таблицы канонов в арочных обрамлениях, украшенных орнаментами одного и того же типа. Перед каждым евангелием был вставлен “диптих”, состоявший из пурпурного листа с написанной золотом эпиграммой в честь евангелиста и его полностраничного изображения на соседнем листе¹. Тексты Евангелий открывали орнаментальные заставки и инициалы. Более простые декоративные элементы были использованы при оформлении оглавлений². К 1886 г. от полного текста остались только Евангелия от Матфея и Марка³. Были утрачены изображения Марка, Луки и Иоанна и листы с двумя эпиграммами – в честь Матфея и Иоанна; содержание первой из них известно по описаниям рукописи, сделанным ее первыми исследователями. В 1975 г. кодекс прошел реставрацию в монастыре Mezzojoso в Палермо.

Рукопись не вошла ни в монографию Вайцмана о византийской книжной миниатюре IX–X вв.⁴, ни в его обобщающие публикации, посвященные македонскому ре-

¹ Эти “диптихи” располагались на отдельных, вставленных в рукопись листах, большинство тетрадей которой – кватернионы.

² Такой, включающей все четыре Евангелия и, по-видимому, перечисленные элементы декора, видел рукопись в 1786 г. датский профессор богословия Ф. Мюнтер (1761–1830), а затем в 1801 г. А. Бирч, занимавшийся сверкой евангельских текстов.

³ В таком виде манускрипт читал Каспар Рене Грегори, первым датировавший его X веком.

⁴ *Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts.* B., 1935, переиздание с дополнениями и приложением: Wien, 1996.

нессансу⁵. До А. Якобини она оказалась в поле зрения только одного историка искусства – А. Данеу Латтанци, которая высказала три совершенно разные точки зрения на проблему ее датировки, все три – расходящиеся с результатами нынешнего исследования⁶. Из палеографов рукописи уделил внимание только Г. Кавалло, включивший ее в свой краткий обзор итало-греческой (sic!) книжной продукции и правильно датировавший ее X веком⁷. Таким образом, до исследования Лидии Перрья и Антонио Якобини рукопись фактически не была введена в научный оборот.

Несомненная удача рецензируемой книги состоит в том, что она плод сотрудничества двух специалистов смежных профессий – палеографа и историка искусства⁸. Она состоит из двух основных частей: *Кодекс* (Л. Перрья) и *Миниатюры* (А. Якобини); сводного каталога всего декора рукописи со схемами-рисунками и подробными описаниями (А. Якобини) и четырех приложений: *Системы и типы разлиновки, Структура тетрадей* (Л. Перрья); *Происхождение и состояние сохранности и Анализ пигментов, использованных для украшения рукописи* (М.Т. Родригес).

Л. Перрья пришла к выводу, что в написании кодекса принимали участие, по меньшей мере, три писца. Главного из них, выполнившего большую часть работы по переписыванию евангельских текстов, ей удалось идентифицировать с писцом группы рукописей конца IX – первых десятилетий X в. (Vat. gr. 681, Vallic. F 10, Vat. gr. 836 (f. 136–138), Scorial. T. III. 14, Scorial. Ψ. II. 10 (f. 70–109))⁹. Второму писцу принадлежат Послание Евсевия к Карпиану, таблицы канонов, оглавление, первый и последний листы Евангелия от Матфея (с орнаментальными заставками); третье – первый и завершающий листы Евангелия от Марка и, вероятно, обе сохранившиеся эпиграммы и оглавление Евангелия от Луки. Исследовательница реконструировала метод работы писцов: главный писец оставлял первые листы Евангелий для своих помощников и художников, исполнивших орнаментальные заставки, прикидывая, с какой строки ему нужно начать; на нем же лежала ответственность за

⁵ Назовем здесь только две наиболее общего характера: Weitzmann K. *Geistige Grundlagen und Wesen der Makedonischen Renaissance* (Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen. Geistwissenschaften fasc. 107). Köln; Opladen, 1963 (по-английски: *The Character and Intellectual Origins of the Macedonian Renaissance // Idem. Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination*. Ed. by H.L. Kessler. Chicago; London, 1971. P. 176–223); Idem. *The Classical Mode in the Period of the Macedonian Emperors: Continuity or Revival? // Byzantina kai Metabyzantina I. The “Past” // Medieval and Modern Greek Culture / Ed. by S. Vryonis. jr. Malibu, Cal., 1978. P. 71–85.*

⁶ В 1966 г. Данеу Латтанци писала, что Евангелие представляет собой “образец взаимопроникновения греческой и латинской норманнской культур” и датировала его XII веком (*Daneu Lattanzi A. Lineamenti di storia della miniatura in Sicilia*. Firenze, 1966. P. 117, 119). В переиздании книги 1968 года она приписала создание рукописи “византийскому скрипторию палеологовской эпохи” (р. 20). Согласно последнему высказанному исследовательницей мнению, манускрипт мог быть “копией ...исполненной греком в Сицилии” в XI в. (*Idem. I manoscritti ed incunaboli miniati della Sicilia*. Palermo, 1984. P. 144).

⁷ Cavallo G. *La cultura italo-greca nella produzione libraria // I Bizantini in Italia*. Milano, 1982. P. 525.

⁸ О пользе такого сотрудничества, дающей возможность более глубокого и всестороннего анализа манускрипта, написал и Мауро делла Валле, автор рецензии на книгу, опубликованной в журнале “*Arte medievale*” сразу после ее презентации (*Della Valle M. [rec. sul: Iacobini A., Perria L. Il Vangelo di Dionisio... // Arte medievale. II Serie. Anno XI. 1997. N. 1–2. P. 222–224]*). Он приводит еще несколько примеров совместной плодотворной работы историков искусства и палеографов по изданию рукописей – практике, получившей распространение лишь сравнительно недавно. Изданию данной книги предшествовало сотрудничество ее авторов в работе над статьей, посвященной этой же рукописи: *Perria L., Iacobini A. Il codice F.V. 18 di Messina, l’Athos Stavronikita 43 e la produzione libraria costantinopolitana del primo periodo macedone // Rivista di Studi Bizantini e Neellenici*. 1994. N.S. XXXI. P. 81–163.

⁹ *Iacobini A., Perria L. Il Vangelo di Dionisio. Un manoscritto bizantino da Costantinopoli a Messina*. Roma, 1998 (“*Milion. Studi e ricerche d’arte bizantina*”, 4). P. 26.

окончательную сверку текстов. Причиной такого разделения труда при работе над рукописью, в создании которой помимо писцов принимали участие автор орнаментального декора и миниатюрист, был, как считает Л. Перрья, особый заказ. О его важности свидетельствует и использование пурпура и золота (не только для написания текста эпиграмм, но и для орнаментального декора) и включение в состав рукописи “диптихов”, не имеющее прецедентов в истории византийского книжного дела. Во всех эпиграммах, посвященных евангелистам, кроме традиционных восхвалений, содержались просьбы о заступничестве за некого Дионисия. Раньше его считали писцом рукописи¹⁰; однако поскольку в период, предложенный обоими авторами книги для датировки мессинского кодекса (конец IX – первые два десятилетия X в.), неизвестно ни одного писца с таким именем, а также из-за традиционно скромного отношения писцов к своему труду, Л. Перрья и А. Якобини высказали предположение, что в эпиграммах все-таки идет речь о заказчике рукописи. Используя материал византийских печатей, им удалось найти возможного заказчика манускрипта: им мог быть Дионисий, императорский протоспафарий и судья фемы Опсикий, печать которого, датированная IX–X вв., хранится в Dumbarton Oaks. Человеку, занимавшему столь высокое положение, вполне могла принадлежать маленькая (172 × 124 мм), изящно украшенная рукопись, *livre de chevet*, которую легко и удобно было носить с собой. В последней главе палеографического раздела Л. Перрья рассматривает кодекс из Мессины в контексте столичной книжной продукции конца IX – первой половины X в. и выделяет среди наиболее близких ему три четверо-евангелия – Marc. I, 18; Walters Art Gallery W 524 и РНБ, гр. 53, тоже созданные в первые десятилетия македонской эпохи.

А. Якобини последовательно анализирует иконографию и манеру исполнения фронтисписа, Послания Евсевия и таблиц канонов, и пребывающей в крайне плохом состоянии сохранности единственной миниатюры. Его анализ всегда внимательный, тонкий, аргументированный и осторожный. Для сопоставления с декором мессинского кодекса он привлекает не только произведения книжной миниатюры, но и декоративной скульптуры и прикладного искусства. Так, отдельные мотивы фронтисписа он сравнивает со скульптурным карнизом апсиды северной церкви Константина Липса и деталями керамического иконостаса, найденного в Преславе (ок. 890 г.). В целом, заключает А. Якобини, фронтиспис с колонками, поддерживаемыми архитрав с возвышающимся над ним большим ребристым куполом в центре и маленькими павильончиками, увенчанными крестами, по бокам, и большим, богато украшенным крестом, установленным на постаменте под куполом, соединяет в своей иконографии изображение часовни Воскресения, возведенной ок. 425 г. Феодосием II, и золотого Голгофского креста. Он приводит ряд ранних памятников, в которых можно видеть изображения каждой из иерусалимских святынь порознь, но отмечает, что нельзя указать конкретную модель фронтисписа: он является результатом целенаправленного отбора иконографических элементов и их свободной интерпретации¹¹. Орнаментальным элементам арочных обрамлений Евсевиева послания и таблиц канонов он находит аналогии в декоре рукописей Marc. I, 18 и Walters Art Gallery W 524, скульптуре южной церкви Константина Липса, мраморном рельефе из Археологического музея в Стамбуле и эмалях чаши из сокровищницы Сан Марко в Венеции. В отличие от более поздних рукописей, созданных около середины X в., орнаментальные мотивы, использованные для украшения мессинского кодекса, имеют преимущественно плоскостный и декоративный характер; классицизирующие же мотивы являются скорее исключением. Истоки нескольких элементов декора восходят к сасанидскому искусству. Единственная миниатюра мессинской рукописи, изображающая евангелиста Матфея как философа обнаруживает наибольшее

¹⁰ Ibid. P. 37. Not. 17.

¹¹ Ibid. P. 57.

сходство с соответствующим образом из знаменитого афонского Четвероевангелия (Stavronikita 43), однако между ними есть и существенные различия, связанные с изменениями художественного вкуса и стиля, произошедшими к середине столетия: миниатюра “Евангелия Дионисия” написана более тонко и нюансированно, менее схематично; трактовка живописного пространства сближает ее с рукописью Гомилий Григория Назианзина (Paris, BNF, gr. 510) 879–882 гг. На основании выявленных художественных особенностей мессинской рукописи А. Якобини предлагает датировать ее не позднее второго десятилетия X в. Тогда она приобретает особую значимость для истории византийской книжной миниатюры, поскольку в ней впервые после окончания эпохи иконоборчества появляется изображение сидящего евангелиста – одна из самых распространенных иконографических схем в миниатюре всего последующего времени¹².

При рассмотрении проблем, непосредственно связанных с кодексом из Мессины, авторы книги затрагивают и большой круг вопросов, касающихся палеографии рукописей и искусства македонской эпохи, уточняют датировки некоторых манускриптов. Представление о культуре македонского ренессанса, которое рождается в результате прочтения книги, более живое, глубокое и многогранное, чем по прочтении ставших хрестоматийными работ Вайцмана, что вполне закономерно, поскольку с момента публикации последней из них прошло уже больше 25 лет.

И.А. Орецкая

Kaldellis A. The Argument of Psellos' *Chronographia*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 223 p.

Книга Э. Калделлиса – лишь вторая работа, целиком посвященная “Хронографии” Пселла (первая – исследование А. Гадолин, получившее не слишком положительные отзывы в специальной литературе¹).

Э. Калделлис преподает в университете Огайо (США) и специализируется в области византийской историографии. Ему принадлежат перевод “Книги царей” Генеся, статьи об Агафии и других византийских историках. В настоящее время Калделлис занимается Прокопием и, как нам известно, собирается в будущем вновь вернуться к творчеству Пселла.

Подробно Калделлис рассматривает только первую часть “Хронографии”, завершающуюся отречением Исаака Комнина. Исследование базируется на итальянском издании Пселла 1984 года, текст “Хронографии” ученый цитирует в собственном переводе.

Исследование предваряют два эпиграфа – цитаты из сочинений Ницше и Кеавмена. В обеих речь идет о том, что читать следует внимательно, вдумчиво, по нескольку раз возвращаясь назад. Именно внимательное чтение текста Пселла, по мысли Э. Калделлиса, позволило ему по-новому взглянуть на произведение великого византийца. Э. Калделлис видит в суждениях византийцев о Михаиле Пселле два больших недостатка. Во-первых, они слишком буквально понимают высказывания Пселла. Во-вторых, отказываются допустить, что мировоззрение средневекового человека могло быть вполне независимо от взглядов его современников.

Калделлис стремится оценить как личность Пселла, так и его философские, политические и иные взгляды, выраженные в “Хронографии”. По мнению ученого,

¹² От доиконаборческого периода до нас дошло лишь одно изображение сидящего евангелиста – в Россанском кодексе (Rossano, Museo dell'Arcivescovado), f. 121.

¹ См., например: *Безобразов П.В., Любарский Я.Н.* Две книги о Михаиле Пселле. СПб., 2001. С. 199.